

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

ГЛАВНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ: ОТ РЕФОРМАЦИИ ДО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Экстаз гордыни человеческой.
Реформация, Гуманизм, Просвещение и капитализм¹

С.А. Воронин

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье автор продолжает размышлять о судьбе западного аксиологического проекта, связывая воедино генезис капитализма с религиозными установками Реформации, новыми духовными ориентирами Возрождения и научным рационализмом эпохи Просвещения.

Ключевые слова: дух числа, проблема призвания, Людвиг фон Берталанфи, Силлабус Эррорум, человек мера всех вещей, дуальность мира.

*Единственно ради человека
был создан и устроен мир.*

Джаноццо Манетти

*Так куда же зовет человека тихий голос, звучащий в его душе, –
в порочный круг или к жизни вечной?
На этот роковой вопрос человечество должно ответить,
если оно хочет выжить.*

А. Тойнби

Капитализм и Реформация. Дух числа

Спор о первичности «курицы» или «яйца» в научной интерпретации взаимосвязанной пары дефиниций «реформация» и «капитализм» остается

¹ Продолжение. Начало см. Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. – 2014. – № 3. – С. 5–31.

дискуссионным, актуальным и неразрешенным и в наши дни. Выяснению детерминации этих понятий посвящено фундаментальное исследование немецкого социолога Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и ряд трудов одного из основателей школы «Анналов» французского историка Люсьена Февра. Рассмотрение взглядов Вебера и Февра в контексте нашего дискурса логически завершает историографическую часть выявления базовой методологической триады либерализма западной проектной преемственности, покоящейся на взглядах М. Лютера, Ж. Кальвина и их интерпретации М. Вебером.

Однако, прежде всего, в рамках исторической объективности следует отметить, что обширная и глубокая проблема связей и соотношений между капитализмом и Реформацией была впервые сформулирована и поставлена Карлом Марксом. Исследуя исторические корни и предпосылки капитализма Маркс обратил свой взор к XVI в., который был свидетелем зарождения капитализма.

В контексте экономического детерминизма Маркс дает характеристику событиям XVI в.: Возрождению наук и искусств, Реформации старинного христианства, зарождающемуся национализму. Все это, по его мнению, формирует капитал, который и порождает экономическое сознание. Иными словами, сначала базис, затем надстройка. Капитал диктует капиталистическую политику, придает капиталистическую окраску мыслям, чувствам и верованиям. Таким образом, из капитализма родилась Реформация (1). Итак, проблема была поставлена. И вполне естественно, что многие ученые умы с тех пор с воодушевлением принимались за ее решение.

При всем объеме критики, раздававшейся в адрес М. Вебера, и его сторонникам, и его оппонентам, полагаю, трудно не согласиться с утверждением, что именно Веберу удалось наиболее убедительно показать важное место протестантизма в генезисе современного западного капитализма.

Одним из основных краеугольных вопросов, выделяемых немецким социологом, является проблема соотношения взглядов Лютера и Кальвина. Вебер рассматривал этот вопрос через призму проблемы «призвания» («beruf» нем.) Это слово, как известно, впервые появляется в лютеровском переводе Библии. Это было прямым ударом по институту монастырей. Лютер проповедовал, что истинное средство быть угодным Богу не в том, чтобы отдалиться от мира, а в том, чтобы исполнить свой долг на Земле в своей профессии. Это и значит истово, добросовестно делать то, что ты обязан делать, заниматься своим делом: вершить «beruf» (должность, призвание) (2).

В понимании «beruf», согласно оценке Вебера, воплощен эпицентр протестантизма, который отвергает католическую градацию морали, а оставляет исключительно мирское предназначение человека, выполнение им профессиональных обязанностей, мирской аскетизм (монашеская аскеза отвергается). Эти обязанности становятся для человека его призванием – «beruf». Чем последовательнее Лютер проводит идею «спасения только верой», и чем

резче он в связи с этим подчеркивает противоположность своего учения «евангельским советам» католического монашества, которые «продиктованы дьяволом», тем большее значение получает у него профессиональное призвание – «*beruf*». Вебер констатирует, что, с точки зрения Лютера, монашество – это порождение эгоизма и холодного равнодушия, пренебрегающего мирскими обязанностями человека. Мирская же реальность являет собой достойный подражания пример христианской любви к ближнему (3).

Веберу нельзя отказать в здравомыслии и скрупулезном анализе, когда он подчеркивает, что во взаимосвязи протестантизма и развития капитализма стоит отмежеваться от субъективных, а сосредоточиться на объективных обстоятельствах. Он поясняет, что, несмотря на заголовок его произведения, «не может быть и речи ни о каком внутреннем родстве лютеранских взглядов с «капиталистическим духом» в том смысле, который мы вкладываем в это понятие... Результатом Реформации было, прежде всего, то, что в противовес католической точке зрения, моральное значение профессионального труда и религиозное воздаяние за него чрезвычайно возросли. Дальнейшее развитие идеи «призвания», в которой нашло свое выражение это новое отношение к мирской деятельности, зависело от конкретной интерпретации благочестия в отдельных реформированных церквях» (4).

При этом Вебер не видит в этом протестантском послые призыва к стяжательству. Весьма примечательна веберовская оценка капиталистического духа, которая носит, по нашему мнению, довольно парадоксальный характер: «Стремление к предпринимательству», «стремление к наживе», к денежной выгоде, само по себе не имеет ничего общего с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, посетителей игорных домов, нищих, художников, кокоток, чиновников-взяточников, крестоносцев – можно с полным правом сказать, что оно свойственно всем типам и состояниям человека всех стран и эпох мира, повсюду, где для этого существовала или существует какая-либо объективная возможность. Подобные наивные представления о сущности капитализма принадлежат к тем истинам, от которых раз и навсегда следовало бы отказаться... Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму, и еще менее того его “духу”. Капитализм может быть даже идентичным обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае, его рациональному регламентированию. Капитализм, продолжает Вебер, однако не может существовать без получения наживы в форме прибыли. Капиталистическое предприятие, если оно не ориентировано на рентабельность, неминуемо ждет гибель в условиях капиталистического хозяйства» (5).

Далее рассуждения немецкого социолога сводятся к тому, что современная форма организации капиталистического предприятия немислима без отделения предприятия от домашнего хозяйства и без тесно связанной с этим рациональной бухгалтерией отчетности. При этом Вебер акцентирует внимание на положении о том, что «буржуазия в сословном смысле существ-

вовала и до возникновения специфически западного капитализма. Правда, только на Западе... Современный капитализм в значительной степени связан с развитием техники и созданными новыми возможностями. В настоящее время (речь идет о рубеже XIX и XX в. – С.В.) его рациональность в большей мере обусловлена исчисляемостью решающих технических факторов, которые образуют основу точной калькуляции. А это, в сущности, означает, что такая рациональность зиждется на своеобразии западной науки, прежде всего естественных наук с их рациональным математическим обоснованием и точными экспериментальными методами» (6).

Протестантизм внес в эту западную рациональность экономики, усиленную в эпоху Просвещения, «дух расчетливости» (*calculating spirit*). Пуританизм, как полагает Вебер, преобразовал расчетливость из средства ведения хозяйства в принцип жизненного поведения, (7) т.е. вывел «расчет» из экономики и сделал его универсальным принципом, внедрив «дух числа» во все сферы бытия. Эту расчетливость Запада укрепила эпоха Просвещения и научно-техническая революция, превратившая расчет в основу мировоззрения.

Для истории философии, науки и техники Запада характерна так называемая «одержимость пространством», выражающаяся в склонности к математическому методу мышления. Противовесом является иная цивилизационная доминанта «одержимость временем», для которой характерен грамматический подход в мышлении. Строго говоря, есть «наука числа» и есть «наука слова». Во многом благодаря Реформации современный Запад стал таким, каковым он является сегодня, избрав путь «науки числа», выдвинувший на определенном историческом отрезке Запад в авангард мирового развития.

Весьма существенным в рамках изучаемого нами вопроса является замечание Вебера о взаимосвязи вероисповедания и экономических процессов. Сравнивая экономическое поведение протестантов и католиков, М. Вебер указывает на специфическую ориентированность первых на индивидуально-предпринимательскую деятельность и склонность вторых к коллективным формам хозяйственной организации.

Нельзя не отметить прозорливость немецкого ученого. В самом деле, в современной Европе протестантские страны явно опережают католические по показателям индивидуальной трудовой деятельности. Протестанты по-прежнему более экономически активны, чем католики. Факт нахождения Италии – символа католицизма – на последнем по рассматриваемому показателю месте среди стран Западной Европы весьма в этом смысле показателен (8). Вебер делает вывод о том, что принадлежность к определенному вероисповеданию выступала не как причина экономических явлений, а в известной степени как их следствие. Реформация, по его мнению, означала не полное устранение господства Святого престола из повседневной жизни, а лишь замену прежней формы господства иной. С господством католической церкви мирятся в наши дни народы, обладающие достаточно современным экономическим развитием. «Господство же кальвинизма образца XVI в. ощуща-

лось бы нами теперь как невыносимая форма тирании и контроля над личностью» – подчеркивает Вебер. Именно наиболее экономически развитые страны, продолжает он, не только мирились с этой доселе неведомой им пуританской тиранией, но и защищали ее с таким героизмом (Англия, Нидерланды и т.д.), который до того буржуазия проявляла редко, а впоследствии не обнаруживала больше никогда (9).

При этом М. Вебер, рассматривая коррелирующие взаимосвязи между экономическим укладом и конфессиональной принадлежностью, предостерегал от прямого примитивного установления связей между религиозностью и определяющим способом производства. Вебер подчеркивает, что он ни в какой степени не готов защищать нелепый докринарский тезис, будто «капиталистический дух» мог возникнуть только в результате влияния определенных сторон Реформации, будто капитализм является продуктом Реформации. Наряду с этим нельзя не отметить, по мысли Вебера, поразительную по своему значению роль кальвинизма и протестантских сект в истории развития капитализма (10).

Наиболее важным в новой догматике было учение об избранности к спасению, достигшее апогея у Кальвина. Тезис о «страшном предначертании» («*decretum horribile*») у него продуман, рационализирован, в отличие от эмоционального переживания у Лютера.

Все деяния человека, поскольку для вечного блаженства предназначены лишь избранные, имеют смысл только как утверждение Божественного величия. Поскольку решения Бога изначальны и не подвержены изменению, Божественное милосердие в такой же степени не может быть утеряно теми, кому оно дано, в какой оно недостижимо для тех, кто его лишен.

Учение Ж. Кальвина в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколения, покорившегося его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества атомизированного индивида. Он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе. И никто не мог ему помочь. Вебер резюмирует: «Это абсолютное устранение веры в спасение души с помощью церкви и таинств было той решающей идеей, которая отличала кальвинизм от католицизма. В этом находит свое завершение тот великий историко-религиозный процесс расколдовывания мира, начало которого относится ко времени древнеиудейских пророков. Истинный пуританин даже у гроба своих близких отказывался от всех религиозных церемоний и хоронил их тихо и незаметно, дабы не допустить никакого суеверия. Не существовало... вообще никаких средств, которые могли бы обратить Божественное милосердие на того, кто лишен его волею Бога» (11).

Именно в этом истоки современной отъединенности лишнего иллюзий, пессимистически окрашенного индивидуализма западного протестантского мира. Примером могут послужить не только распространенная практика наличия персонального психолога, но и поразительно часто повторяю-

щегося в англоязычной пуританской литературе предостережения – никогда не рассчитывать ни на дружбу, ни на помощь людей, не доверять никому, кроме Бога. Не удивительно, что в протестантских странах довольно незаметно была отменена исповедь. Практическая направленность протестантского бытия, имеющего конкретные цели и задачи, ежедневно решаемые индивидом, не оставляла место абстракциям, философским вопросам о смысле жизни и мира, исключала процесс мучительных раздумий из жизни пуританина.

Крайне важным для современного мира, по мнению Вебера, является и учение о невидимой Церкви божьей, образуемой избранными к спасению. Это прямое обоснование, легитимация права управления меньшинства большинством, божественное разрешение существования богатых и бедных, процветания политической и экономической элиты. Без Кальвина не было бы и теории «Золотого миллиарда» Мальтуса. Принадлежность к избранным возможно достичь через мирскую аскезу и трудолюбие. «Духовную аристократию монахов вне мира и над ним вытеснила духовная аристократия святых в миру; от века предопределенная к спасению, отделенная от остальных, от века предопределенных к гибели», – отмечает Вебер (12).

В социальные отношения тем самым была внедрена непреодолимая пропасть, расколовшая общество на избранных и на не заслуживающих снисхождения грешников. Готовность помочь ближнему подменялась ненавистью и презрением к неудачнику как врагу Господню, отмеченного клеймом осуждения. Кальвинизм в этом воспринял ветхозаветный рационализм, гиперболизировав многие из его положений. Аскетизм кальвинизма привел в конечном счете к тому, что он не только находил в Ветхом завете конгениальные ему идеи, но и ассимилировал их. В итоге рационализировано и систематизировано было и этическое поведение. Возникла протестантская форма добродетели. Классическим примером тому служит личный дневник Б. Франклина, наполненный математическими таблицами, статистическими исчислениями его успехов на стезе добродетели. Десакрализация духовной жизни и сакрализация профессиональной деятельности, приводили к тому что освящение жизни человека уподоблялось бизнес-предприятию.

Резюмируя вышеизложенное, Вебер и вынес в название своего труда понятие «протестантская этика». Ибо именно изменение в сфере морали, а не в способе производства создало дух капитализма, и отправным пунктом изменений стала идея утверждения избранности, взломавшая средневековый менталитет и сформировавшая основы и дух Нового европейского времени.

Итак, картина соотношений понятий капитализм и Реформация у Маркса и у Вебера кардинально различная, диаметрально противоположная. Маркс предлагает довольно увлекательную формулу: «Из капитализма родилась Реформация». Он писал: «Великая и могучая Реформация, родившаяся в XVI в., – дочь той формы экономики, которая возникла тогда и навязала себя стреми-

тельно покоренному ею миру, – капиталистической экономике» (13). Вебер предлагает иной тезис: «Из Реформации родился капитализм».

Не следует забывать также о взглядах одного из ярчайших представителей новой исторической школы Германии Вернера Зомбарта, который настаивал, что капитализм родился из иудаизма как религии, из самого духа религии (14).

В примирительном ключе и объективном подходе решает эту проблему соотношений Люсьен Февр, на взглядах которого в финале нашего обзора весьма полезно остановиться. Л. Февр писал: «Капитализм и Реформация проблема, несомненно, историческая. Более того, проблема человеческая. Верно ли это, в самом ли деле экономика и религия связаны столь неразрывно в нашем мире, что можно переходить от одной к другой, не споткнувшись и не испытывая затруднений? Правда ли, что одна порождает другую? Экономика религию, или наоборот? Давайте посмотрим» (15).

XVI в., по Февру, характеризует бешеная жажда денег и первейшая и непреодолимая движущая сила капиталистического индивидуализма, не ведающего ни узды, ни совести. Определяя главную цель Великих географических открытий, он отмечает, что стимулом стало овладение золотом, а не землей. Подвижное и компактное оно (золото) давало полноту власти и свободу. Следует отметить, что именно в XVI в. земля перестала быть воделенной. Владение землей приковывало к месту, лишало мобильности и свободы. Свободу теперь давал капитал. Финансовый и производственный капитал порождал капитал идей, чувств и мироощущений, а именно буржуазных представлений о мире.

Купец XVI в. параллельным курсом богател, зарабатывал и приобретал новое мировоззрение. Это был «человек, не имеющий под рукой ни почты, ни телефона, ни банковских билетов, – по этой причине собственной персоной, разъезжающий по свету в поисках товара. По дороге он видит нравы множества людей, соприкасается со всеми народами и религиями, утрачивает по ходу дела свои предрассудки и расширяет кругозор» (16).

Относительно роли религии Февр отмечает, что в докапиталистическом обществе от рождения до смерти человек жил под надзором религии. Церковь регламентировала труд и отдых, питание и весь образ жизни. Буржуа, разочарованные и недовольные ущемлением и попранием своих свобод, первыми задались вопросом: «А не внешнее ли это?», – говоря о церкви. Проповедь Лютера, по мысли Л. Февра, стала опьяняющим кличем свободы в ответ на громкий призыв нарождающейся буржуазии. «Мир слушал, и люди узнавали в громком голосе брата Мартина то самое, что так часто выкрикивали они сами: отчаянные призывы к свободе» (17).

Вряд ли Лютер осознано исходил из анализа современной ему обстановки. Религия Лютера во многом была его персональной верой, брала начало в его личных тревогах и сомнениях. Просто все дело в том, что его личные тревоги совпали с тревогами века. Искра вспыхнула пламенем Ре-

формации. В идеи Лютера довольно быстро внедрился буржуазный дух, помимо его воли, наперекор ему. Мог ли быть Лютер поборником капитализма? «Конечно, нет», – отвечает Февр. Напротив, Лютер яростный антифинансист, антикапиталист и антисемит. Он придерживался старых средневековых установлений.

Но религия Лютера говорит с буржуазией на ясном и понятном языке. В Библии, переведенной на немецкий язык, отыщется Живой Бог, родной и уверенный в своей правоте. Учение Лютера позволит отринуть ужас Чистилища и заменить его страхом Лютера, личным предстоянием перед Богом. Вы один пред Ним, единым. Когда вы ведете денежные дела, разве вы посвящаете третьих лиц в свои секреты? Ваши дела по спасению души гораздо важнее – обсуждайте их с Богом без докучных и ненужных посредников. Люсьен Февр подчеркивает: «Так завязывались узы между душами буржуа и новым учением Лютера» (18).

Из Реформации XVI в. – лютеранства буржуазия вынесла и сформировала свою Реформацию – протестантизм. Бог любит народ. Трудись, исполний «*Beatus*» и стань избранным. Человек, преуспевающий в делах, благословен Богом. Буржуазия, по оценке Февра, переоборудовала учение Лютера и создала тип кальвиниста-аскета. Февр снимает, в конце концов, утомительную дихотомию: религия или экономика в паре понятий Реформация и капитализм. Он не соглашается с выводами ни Маркса, ни Вебера, отмечая при этом их выдающиеся заслуги в изучаемой проблеме. Он пишет: «Реформация – дочь капитализма, или же, наоборот, капитализм – проект Реформации: нет, тысячу раз нет. Догматизм столь примитивной интерпретации мы заменим “новым” представлением о возможной обусловленности явлений, ибо все части нашего мира так связаны и соединены одна с другою, что невозможно познать одну без другой и без целого... Человечество не жалкие гребцы, надрывающиеся всю жизнь на тяжелой и мрачной галере экономических необходимостей» (19).

Примирительная концепция Люсьена Февра, конечно же, заслуживает самой высокой оценки за свою научную объективность и учет всех факторов исторического процесса. Однако, по нашему мнению, все же дальше всех за горизонт заглянул Макс Вебер, усмотрев в изменении морали основу для корректировок в способе производства, понимая, как и Февр, взаимную параллельность этих процессов: религии и экономики.

Ренессанс.

Человек как мера всех вещей

Аксиоматично в историографической традиции эпохи Возрождения и научной революции мышления в годы Просвещения преподносятся и освещаются как резкое изменение сознания, отход от схоластики и догматики средневековья, возврат к идеалам античности, революционный прорыв к ра-

ционализации мышления и ведения хозяйственной деятельности. При этом за скобками и пределами анализа остаются весьма немаловажные обстоятельства, свидетельствующие как минимум об экономии мышления, узости методологии. Речь идет, прежде всего, о том, что намеренно забывается абсолютно западный феноменологический аспект развернувшихся процессов, подчеркивается их прогрессивность и распространимость на всю историю человечества, отмечается ущербность и отсталость народов, не прошедших через эти процессы (Азия, Африка, Латинская Америка и Россия) и требующих приобщения к западному духовному опыту через универсализацию западных ценностей. Н.С. Трубецкой отмечал: «Европейская цивилизация не есть общечеловеческая культура, а лишь культура определенной этнографической особи, романо-германской для которой она и является обязательной» (20).

Задачей объективного и пытливого ума является анализ процесса и выявление причин духовной инверсии Запада и понимание того, почему подобные явления не развернулись, да и могли развернуться в силу их абсолютной чуждости, в России и странах Востока, как не состоялась в них и Реформация по стандарту, предложенному М. Лютером и Ж. Кальвином. Крайне важно понимать, что как без Реформации, так и без Возрождения и Просвещения современная доктрина неоллиберализма была бы невозможной и несостоятельной.

История XIX – начала XXI в. являет собой пример того, как идеологи либерализма, основываясь на вере в прогресс развития, апеллируют к доводам, черпаемым из неиссякаемого источника – науки, превращая их в идеологическое доктринерство с помощью искусственно созданного языка и числа, обращаясь к ценности человеческой личности и ее правам. XX в. как время формирования политических режимов и политических доктрин, оправдывающих их существование, время мощных технологий манипуляций общественным сознанием базируется во многом на идеях, заложенных эпохой Возрождения и сформулированных западноевропейскими просветителями.

Создатель общей теории систем Людвиг фон Берталанфи с глубокой иронией отмечал «величайшее открытие XX века»: возможность редукции человека к автомату, покупающему все, от зубной пасты до президентов, атомной войны и самоуничтожения» (21). Скепсис Берталанфи не вызывает удивления, ибо в основе так называемого постиндустриального общества и культуры Запада лежат интересы, а не принципы и идеалы, как в христианстве, исламе и других традиционных культурах.

На Западе отход и отказ от теоцентрического понимания мира начался в эпоху Возрождения и утвердился в эпоху Просвещения, когда в основу мировоззрения европейцев легли принципы антропоцентризма (люди-титаны, человек – мера всех вещей) и рационализма, абсолютно чуждые как Востоку, так и православию.

Гуманизм, как известно, в самом широком понимании означает человеческий, человечный (от лат. «*humanus*»). Он то, что делает человека как

представителя биологического вида существом духовно-нравственным. Гуманизм – это исторически развивающаяся система воззрений, признающая ценность человека, его право на свободу, счастье, развитие и проявление всех его способностей (22). Гуманизм в общефилософском и аксиологическом ключе непосредственно связан с понятием о справедливости.

Для нашей работы важно развести дефинитивные интерпретации гуманизма, трактуемые в широком и узком смыслах. Широкое значение гуманизма – это человечность. Узкое – его конкретно-историческая форма, возникшая и получившая развитие в Западной Европе. То есть следует акцентировать внимание на том, что это лишь частная форма данного явления, свойственная определенному периоду развития сознания западноевропейского общества, которая вполне может не совпадать с концепциями гуманизма, выработанными в других культурах.

Гуманизм в узком смысле слова – культурное движение эпохи Возрождения, прежде всего получившее развитие в Италии XIV–XVI в. Противопоставление богословия и вырождающейся схоластической науке светского мирозерцания и культуры дало основание писателю и ученому эпохи Возрождения – Леонардо Бруни назвать в XV в. новую культуру – *humanitas* (от латинского слова «*humanus*» – человеческий, в противоположность «*divinus*» – божественному). Так возник термин «гуманизм» (23).

В начале XIV в. в городах Средней и Северной Италии сложилось сочетание политических, религиозных и социально-экономических факторов, породивших феномен Возрождения. Города этой части Италии отличались высоким уровнем развития банковского дела и ремесла. Появление во Флоренции в XVI в. капиталистической мануфактуры, а следовательно – ранней буржуазии являлось показателем этого общего для всего региона высокого уровня социального и экономического развития. Главным мерилом престижа и статуса человека в обществе становится богатство. «Кто является господином денег и времени, является господином всех вещей», – заявил один из флорентийских купцов того времени. Сковывавшие, но и одновременно оберегающие и защищающие, человека корпоративно-сословные связи рушатся, оставляя его один на один с враждебным и конкурентным миром. Теперь негоциант и предприниматель может рассчитывать только на себя, на свои личностные качества: смелость и осторожность, деловую хватку и расчет.

Происходит резкое ускорение времени, темпа жизни. Время становится дорогостоящей вещью. Его более не хотят тратить на молитвы и размышления о Боге. Так рождалось индивидуалистическое сознание, формирующее идеологию Ренессанса и давшее импульс Реформации. Гуманизм возвестил о величии человека, о мощи его разума. Нравственной нормой стало понятие «*virtu*» – доблесть и благородство, достоинство. Целью жизни объявляются достижение земного счастья, в противовес средневековому представлению о греховности всех естественных радостей человека.

Леон Батиста Альберти утверждал, что «человек явился на свет не затем, чтобы уныло влачить свою жизнь в праздности, а для того, чтобы стремиться к великим делам; этим он для себя самого достигнет как современный добродетели, так и плодов счастья» (24). Таким образом, место Бога постепенно занимает человек, но такой, какого не знало средневековье, достойный возвеличивания. Целью жизни гуманисты объявили не спасение души, а познание себя и мира, служение не Богу, а людям. Новое содержание вкладывалось гуманистами и в категорию «труда». Труд расценивался в средние века как кара за первородный грех. Отныне он становится важнейшим средством обрести желаемое, разбогатеть. С этим мотивом переплетается и еще один – восхваление величия человеческого разума. «Знание уподобляет человека Богу», – заявлял Альберти (25).

В эту эпоху радикально меняется концепция истории. Схоласты средневековья рассматривали историческую действительность как арену борьбы Бога и дьявола за душу человека, роль которого в этом противоборстве весьма пассивна. В трудах Возрождения человек становится движущей силой исторического процесса. Первым трудом, основанным на новом видении, стала работа Леонардо Бруни «История флорентийского народа» (26).

Значительное место в трудах гуманистов, идейно подготавливающих европейскую Реформацию, занимает проблема оправдания богатства, снятие с него греховности и несправедности. Бруни утверждает, что только богатые люди могут быть щедрыми и полезными для общества. «Не может быть ни милостивым, ни щедрым тот, кто не имеет средств на расходы» (27). Так, постепенно богатство и прибыль получают идейное оправдание, легитимируя положение в обществе буржуазии.

Гуманизм как социокультурное явление зародился еще в «осевое время» и как целостное мировоззрение существовал и в древнем мире, и в средние века. Философски он основывался на идее космоцентризма, что приравнивало человека к миру природы, создавало единый ансамбль онтологического натурализма. Личность была встроена в мир природы и в мир государства. При этом примат государства под личностью в античности был безусловным даже в условиях демократии, что порождало цепь невидимых взаимосвязей между государством и личностью, делало индивида ответственным за общее дело, предохраняло социум от атомизации.

Средневековый гуманизм базировался на идее теоцентризма, в рамках которой человек воспринимался как творение Божье. Как подчеркивает С.А. Нижников: «Тем самым признавалась его автономная личность, ибо Бог творит душу каждого человека индивидуально, в силу чего она неповторима и бесценна. Душа каждого человека дороже для Бога, чем все мироздание» (28).

При этом акцентировалось внимание на греховной сущности природы человеческой. Жизнь земная сводилась к покаянию и послушанию. Нивелировались земные радости и ценности. Институтом, замещающим Бога на Земле, выступала церковь, в силу чего неизбежно происходило искажение

религиозного идеала. Гуманизм эпохи Возрождения собственно и пророс из этой духовной инверсии, создав основы Реформации, и впоследствии идя с ней рука об руку. Антропоцентризм, то есть светскость, индивидуализм, эгоизм, стал стержнем философии Ренессанса, породив в будущем, по емкому выражению Герцена, «скотский материализм». Мировоззренческие установки Возрождения противостоят всей системе средневекового схоластического знания.

Возрождение – это время, когда религиозное отношение к природе и человеку подменяется математическим расчетом и механическим принципом, разрушая священные образы, осуществляя штурм символов бытия. Происходило формирование нового мировоззренческого языка, новояза, языка чисел и меры, и человека – как меры всех вещей. В основу познания мира закладывался принцип – «вещи подражают числам», через число можно поменять мир. Философ XV в. Николай Кузанский жестко постулировал: «Там, где терпит неудачу язык математики, человеческий дух ничего уже не сможет понять и узнать» (29). Сила «языка чисел» объясняется тем, что он выглядит максимально достоверным, не может лгать (особенно, если современный человек, спрятавшись за компьютерный ширмой, растворяется в мире Интернета). Именно это обстоятельство снимает с личности все моральные ограничения и психологические пороги, дает ей такую свободу, с которой не может сравниться никакая свобода слова.

Георг Кантор – выдающийся математик и философ весьма симптоматично отмечает: «Сущность математики заключается в ее свободе» (30). М. Вебер уделяет особое внимание «духу счета».

Пуританизм преобразовал эту расчетливость из средства ведения хозяйства в принцип всего жизненного поведения. Научная революция Запада сделала механицизм основой миропонимания. Запад стал одержим пространством, выраженным в математическом методе мышления. В противовес этому выделяют «одержимость временем», для которого характерен грамматический подход и метод мышления. То есть сосуществуют «наука числа» и «наука слова».

Эпоха Возрождения и последовавшая за ней эпоха Просвещения сформировали количественный подход к жизнеустройству, метафорой которого стал капиталистический рынок. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, «свобода тех, кто “владеет числом” означает глубокую, хотя и скрытую зависимость тех, кто “потребляет” число, ведь их сила убеждения огромна (31). Гениальный философ и математик Лейбниц прозорливо отмечал, предвидя современное развитие мира: «В тот момент, когда будет формализован весь язык, прекратятся всякие несогласия; антагонисты усядутся за столом один напротив другого и скажут: «Подсчитаем!» (32).

Подобная социальная модель утопии означает полную замену ценностей (качеств) их ценой (количеством). Это снимает с личности проблему выбора, заменяет ее проблемой подсчета, тем самым лишая его свободы, превращая

его в винтик глобального тоталитаризма, что и является смыслом и конечной целью неолиберальной технократии. Ведь если человек воспринял абсурдное количественное утверждение, его невозможно вытеснить никакими логическими качественными аргументами.

Язык чисел Возрождения и Просвещения дополнило создание научного языка, формирование терминологии и категориального аппарата. Язык под господством метафизики Запада покидает стихию слова и становится оружием господства.

Устранение из языка святости и превращение ценностей в товар сделали возможной свободу слова, не табуированную никакими условностями, создало условия для формирования гражданского общества. Андре Жид уже в XX в. бравурно восклицал: «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий» (33). Ж. Маришен, комментируя понимание свободы слова А. Жидом, с удивлением отмечает: «В одно и то же время А. Жид с искренностью писал две маленькие книжечки. В одной из них он выражал преданнейшую любовь к Евангелию, в другой – проповедовал гомосексуализм» (34). Так новый язык подменял систему мышления и приводил к расширению сознания, делая его непротиворечивым, загоняя его в ловушку манипуляций и управления сознанием. Слово вслед за знанием становится абсолютно автономным по отношению к морали.

Следствием научной революции стало немыслимое ранее явление: сознательное создание новых языков с их морфологией и синтаксисом. Возник язык химии, физики, биологии и т.д. Язык стал аналитическим (анализ – это, как известно, разделение), т.е. разделяющим. Раньше язык, напротив, выполнял функцию соединения, коммуникации. Эпоха Просвещения создала искусственный язык, заменивший естественный. Слова стали рациональны, очищены от многосмысловых нагрузок, утратили святость и ценность, приобретая цену. По утверждению С.Г. Кара-Мурзы, «это был разрыв во всей истории человечества... Когда вместо силы главным средством власти стала манипуляция сознанием, власть имущим понадобилась полная свобода слова – превращение слова в безличный, неодухотворенный инструмент» (35).

Свобода слова, человеческой личности составляют и основной пафос Возрождения. «Последний поэт Средневековья и первый поэт Нового времени», по меткому выражению Ф. Энгельса, Данте Алигьери заложил основы гуманистического учения о человеке, выступал против светской власти церкви, во многом предвосхитив доктрины Реформации. Признанным отцом гуманизма является Франческо Петрарка, изменивший средневековую технику письма и устранивший из него сакральный пиетет перед властью предрешающими. Мироззрение Петрарки было, однако, не свободно от двойных стандартов и отличалось совсем не гуманистическим отношением к ряду политизированных проблем. В его взглядах, как и в философии столпа Просвещения И.Г. Гердера, порой обнаруживается неприкрытый расизм и

проповедь человеконенавистничества, лишь только разговор касается западных цивилизаций.

Великие гуманисты Запада, как только речь заходила о геополитическом и культурном соперничестве цивилизаций, мгновенно теряли универсальный вселенский подход. В поздравлениях Дожа и Совета Генуи после очередного варварского разграбления Византии корсарами Франческо Петрарка высказывает свое глубокое удовлетворение погромом «лукавых малодушных гречишек», выражая пожелание, направленное на то, чтобы «позорная их империя и гнездо заблуждений были выкорчеваны генуэзцами, если только Христос изберет вас отмстителями за свое поношение и вам поручит возмездие, не к добру затянутое всем католическим миром». Петрарка выражает неприкрытое отвращение к «скифским мордам», наводнившим его родной город, — христианам-славянам, проданным турками в рабство (36).

Иоганн Готфрид Гердер также не упустил возможности вскользь пройти по «омерзительной византийской истории», назвав концепцию «симфонии властей» «двуглавым чудовищем». Для немецкого философа была абсолютно неприемлема сама возможность существования многоплеменного евразийского котла Византии. Гердер с осуждением писал: «В основу византийской истории легла злосчастная путаница, которая бросила в один кипящий котел и варваров, и римлян» (37).

В этой связи весьма странным представляется единодушный восторг на Западе, вызываемый концепцией «плавильного котла» в США, которая, в сущности, мало чем отличается от византийской версии. Хотя эти противоречия легко устраняются при ознакомлении с трудами ряда западных идеологов. В частности, в «Философии истории» Гегель, продолжая традиции предшественников, наделяет лишь Запад правом «свободно творить в мире на основе субъективного сознания», не найдя кроме него «всемирно исторических народов» (38).

Кульминацией гуманистической мысли по праву считается «Речь о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандолы, являющейся введением к его «900 тезисам». Основной квинтэссенцией произведения выступает утверждение о том, что Бог не определил человеку место в космической иерархии, человек поставлен в центр мира и должен сформировать себя сам как «свободный и славный мастер». Человеку дано право «владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет». Природа человека выступает в качестве «самостоятельной» (39).

Таким образом, божественность человеку не дана, а достижима (весьма пуританское утверждение. — С.В.). Здесь угадывается пунктиром намеченный тезис о возможности человекобожия. Пико писал: «Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обзирать все, что есть в мире. Я сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь».

Человек, в соответствии с взглядами Дж. Пико, полностью выпадает из иерархии мироздания. Его величие заключается не в том, что он занимает высокое, но твердо установленное ему Богом место в этой иерархии, а в том, что он сам выбирает себе место. «Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь и в высшие, божественные... В рождающихся людей Отец вложил семена разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделает, они вырастут и дадут в нем свои плоды. Возделает растительные, будет растение, чувственные – станет животным, рациональные – станет ангелом и сыном Бога» (40).

Итак, главное содержание философии Дж. Пико делла Мирандолы – гимн возможностям человека, его поистине безграничной способности познания, созидания самого себя, сплочения всего рода людского во всеобщей религии, в новом экуменизме.

Призыв гуманизма к отказу от теоцентризма одновременно означал отказ и от средневековой нравственности. Человек Возрождения одновременно приближался не только к своей сущности – человечности, но и к разнужданности и безнравственности. Подвижничество и жертвенность сменяются учением о самосохранении, страдание во имя спасения – культом наслаждения, пользы и выгоды. Яркой иллюстрацией «новой» философии выступает трактат «О наслаждении» Лоренцо Валлы, трудам которого историческая наука обязана, в частности, рождению термина «*medium aevum*» – «средние века». Идеалом жизни в работе выступает образ чувственного гедониста. Земное наслаждение объявляется предварительной ступенью к небесному блаженству. Добродетелью, по мнению Л. Валлы, является все, что относится к институту самосохранения, а потому никакое наслаждение не является безнравственным (41).

Примечателен и трактат Л. Валлы «Об истинном и ложном благе», содержащий также восторженный гимн наслаждению, которое само природа создала во благо людям. «Природа сделала доступным для тебя наслаждения и одновременно дала и сформировала душу, склонную к ним». От самих людей зависит, умеют ли они достаточно полно пользоваться благами тела: здоровьем, красотой, силой и ловкостью. Он возвеличивает физическую любовь, без которой прекратился бы род людской. Душу Валла подчиняет плоти. По его мнению, добродетели являются лишь служанками наслаждений, то есть сводятся к умению овладеть земными благами. Он призывает полностью погрузиться в мир чувственного, всего, что дают слух, обоняние, вкус и зрение. «О, если бы у человека было не пять, а пятьдесят или пятьсот чувств!» – восклицает он. (42) В своем учении, таким образом, Валла сумел выразить страстное стремление к радостям бытия, отвечавшие потребностям формирующегося класса буржуазии, требовавшей изменений в жизни общества и церкви.

Как уже подчеркивалось, философию Ренессанса зачастую определяют как величайший прогрессивный переворот и время, породившее титанов.

Следует вспомнить в связи с этой оценкой Ф. Энгельса, что титаны в древнегреческой мифологии – герои, далекие от положительного идеала. В итоге средневековое богоборчество завершилось человекобожием Возрождения и атеизмом Просвещения. От человека как божественного творения гуманизм пришел к человеку как средству производства капитала, отчуждению человека от своей сущности, переходу от общества духовных к обществу материальных ценностей. Именно так выглядит обратная сторона новоевропейского гуманизма, лежащего в основе современной неолиберальной культуры западной цивилизации постмодерна, о чем весьма красноречиво свидетельствует творчество Н. Макиавелли, ставшее ответной реакцией на глубокий кризис философии гуманизма конца XV – начала XVI в.

Фантазии о богоподобии человека вдребезги разбились о трагическую реальность распрей, раздоров и раздробленности итальянских городов. В этих условиях и родился социально-политический запрос на взгляды, излагаемые Макиавелли. Философия Макиавелли сформировала не только концептуально новую теорию общественного и политического устройства, но впервые создала светскую идеологию и политическую психологию. Впервые политика, а не религия становилась обоснованием и обеспечением моральных канон. Идеалом социально-политического устройства выступает нация, поскольку в это время возникает само понятие – Родина, Отечество, рождается сознание сопричастности личности к географическим, политическим и психологическим границам территории.

Основной новацией Макиавелли, наносящей удар по средневековой традиции государственного строительства, становится обоснование власти через ее собственную легитимность, а не посредством божественного права. На место абстрактной справедливости теоцентризма Макиавелли поставил справедливого государя, легитимирующего свои деяния и властные полномочия посредством политической справедливости.

Согласно Макиавелли, невозможно определить благо общества в терминах добродетели, напротив, сама добродетель должна быть определена в терминах общего блага. То есть речь идет о том, что политика возвышается над моралью, «цель оправдывает средства». Однако закономерен вопрос, не эта ли философия отворила двери тоталитарным режимам XX века? (43)

Завершая краткий экскурс в историю гуманистической мысли, сразу оговоримся, что мы совершенно сознательно и руководствуясь логикой анализа поместили материал, посвященный Гуманизму, после очерка по Реформации и ее связи с капитализмом, несмотря на очевидное понимание того обстоятельства, что Гуманизм предшествует Реформации как хронологически, так и по существу. Цель такого структурирования заключается в том, чтобы сначала рассмотреть глобальную религиозную инверсию на Западе, выяснить связь экономики и религии, а лишь затем выяснить моральный и научный аспект в виде Ренессанса и Просвещения, подготовившие и закрепившие на практике либеральную аксиологическую парадигму на Западе.

В целом вопрос о взаимоотношении Реформации и Гуманизма является вопросом о взаимосвязи между двумя формами идеологии, порожденными буржуазным веком. С этой точки зрения Реформацию можно определить как переложение идеи Гуманизма на язык традиционных народных представлений. А они в ту эпоху не могли быть иными, как религиозными. «Иными словами, за языком, страстями и иллюзиями Реформации скрывались те же земные социальные и этические цели и убеждения, что и в идеологии Гуманизма», – писал известный ученый-медиевист Н.Ф. Колесницкий (44).

Реформаторы и гуманисты апеллировали к различным интеллектуальным слоям и по необходимости пользовались различным словарем и системой образов. В одном случае их заимствовали из Библии, в другом из языческого наследия греко-римской древности. Однако в социально-этическом плане между двумя этими формами ранней буржуазной идеологии было много общего. А именно в том, что буржуазный индивидуализм сталкивается с корпоративной регламентацией, с узами традиционного общества, жажда деятельности – с созерцательностью, стремление к личному успеху – с благочестием и требованием «добрых дел». Одним словом, буржуазная этика приходила в столкновении с этикой католицизма.

Гуманизм, несомненно, во многом подготовил Реформацию. Книга стала доступной более широким слоям населения. Критика церкви и культурные знания подрывали ее авторитет в глазах верующих. Немецкий гуманист Муциан Руф наставлял: «Цените слова философов выше слов священников. В Библии много басен», – считал Руф (45). Он также отвергал заупокойные мессы. Не вызывает сомнения, что эти и подобные им воззрения логически готовили и морально оправдывали грядущую Реформацию.

Просвещение. Модерн без благодати

Логическим развитием идей Ренессанса стали концептуальные установки Просвещения. Религиозные войны в Европе, порожденные Реформацией, во многом десакрализовали менталитет европейцев. Религиозный кризис, спровоцированный Лютером и Кальвином, усилившийся конфликт Церкви с наукой привели к появлению новой генерации интеллектуалов – борцов за права человека, проповедовавших свободу совести. Наступал новый этап европейской истории – эпоха Просвещения.

Зародившись в XVII в. в Англии, идеология Просвещения активно проникла на континентальную Европу в XVIII в. и нашла свое яркое выражение в трудах Ш. Монтескье, Вольтера, Гельвеция и Гольбаха, формировавших антропоцентричное измерение бытия. Вольтеровское «Раздавите гадину!», обращенное к церкви, положило начало яростной борьбе с теоцентризмом и вообще с любыми формами религиозного сознания. Проявление и культ «Я», человеческой гордыни в осмыслении мира на Западе все более замет-

ное в эпоху Просвещения смещало акцент в понимании и восприятии Христа–Богочеловека от Сына Божия к земной его ипостаси. В этой фундаментальной установке – основа современной глобализации, культура потребления во имя потребления. Земная жизнь Христа стала важнее, значимее его Воскрешения, «смертью смерть поправ». В таком контексте не вызывает удивления появление голливудской продукции о Христе, доведенной до апогея в рок-опере «Иисус Христос – суперзвезда», где голосом Спасителя стал вокалист группы «Дип перпл» Ян Гиллан.

Гуманизм Просвещения незаметно для самих адептов и идеологов этих явлений перешагнул через опасную черту, заглянув в бездну. Дерзкое воспевание возможностей человека, провозглашение его мерой всех вещей, изначально преподносимое как высшее развитие в человеке божественного, ибо Создатель наделил его разумом по образу и подобию своему, привело, в конечном итоге, к гуманистическо-просвещенческому экстазу гордыни. Идея «богоподобия» трансформировалась в идею «богоравности», «человека-титана». Напомним, ведь Прометей требовал у Бога отдать ему Землю. В просвещенный век человек – властелин земли, т.е. он имеет право и свободу совести обустроить ее по своему собственному разумению и по собственному образу и подобию. Однако это есть путь в теоретическую ловушку, к мировоззренческому кризису. Как справедливо ставит вопрос Н.А. Нарочницкая: «Где же взять (в такой ситуации. – С.В.) критерии вместо отвергнутых богоданных понятий абсолютного Добра и Зла?» (46)

Выходом стало создание рационалистического научного мировоззрения. Новая философия Просвещения была строго ограничена пределами познания разума человека и обожествляла данные науки. Идеалом стала познавательная способность человека, отворившая двери к безрелигиозному сознанию и усилившая десакрализацию мира, исключившая, по сути дела, Бога из мироздания. «Верую, значит – существую», провозглашенное Августином, теперь подменяется декартовским императивом «Мыслю, значит – существую». Таким образом, утверждался главный концент Просвещения – идея автономности человека от Бога, идея деизма, получившая позднее развитие в формировании идеологии атеизма и нигилизма. Ограниченность просветителей была ограничена (простите за тавтологию) их собственным ограниченным разумом, который возвышал человека над Богом, объявлял его наивысшим элементом мироздания, господином земного шара. Бог был развенчан и осмеян.

Дальнейшие шаги по преодолению деизма были осуществлены И. Кантом и Г. Фихте. Кант установил четкие демаркационные линии между Человеком и Богом. Он объявил, что мы познаем не мир, а лишь представление о нем (47). Фихте ввел постулат: «Я познающее и есть сущее, все же прочее есть лишь познаваемое, т.е. мыслимое, мною творимое, из меня исходящее, вне моего представления не существующее» (48).

Торжество нигилизма неминуемо вело к провозглашению атеистических идей наиболее перспективными. В конце концов, Л. Фейербах упразднил Бога за ненадобностью. Философия Просвещения стала концептуальной основой великого европейского политического кризиса, получившего свое воплощение в 1789 г. Великая французская революция, проходившая под мантрические заклинания «свобода, равенство и братство», породила документ, резко изменивший сознание европейцев, – «Декларацию прав человека и гражданина», провозглашавшую свободу личности, свободу слова, свободу убеждений.

Впервые законодательно было закреплено понятие естественных, священных, неотчуждаемых прав человека. Так был открыт ящик Пандоры. Место прежней государственной религии занял воинствующий атеизм. Теория просветителей и практика Французской революции подготавливали либерализм и современный неолиберализм, базирующийся на учении об «общественном договоре» «суверенных личностей», подменяющий богоданную иерархию ценностей и традиционных социальных отношений. Возник доселе невиданный феномен мясного рабства, свободы ростовщической совести, свободной от совести и сострадания. Ростовщик, свободный от идеалов, провозгласил ясный и не терпящий возражений лозунг: «Пропустите всюду, не мешайте действовать!»

Протестанты искали в Америке именно такую свободу, которая позволяла десакрализировать и дехристианизировать мир. Религиозный Канон, таким образом, устранился и подменялся Светским Законом. Долг перед Богом и людьми, как идея, в соответствие с Каноном, трансформируется в долг как долговое обязательство, вексель, по которому нужно заплатить в соответствии с Законом. Продажа индульгенций превращается в общепринятую практику, выходящую за рамки Церкви и охватывающую светскую жизнь.

Воинствующий атеизм французских революционеров, базирующийся на «славном опыте» крестоносцев, разграбивших Константинополь, получил свое выражение в казнях священнослужителей, отказавшихся отречься от сана, в разрушении и превращении в конюшни храмов. После того как Ватикан разорвал религиозные отношения с Францией, французские революционные толпы вторглись в Италию, захватили папу Пия VI и провозгласили Римскую Республику.

Экспорт Просвещения, позже переродившийся в демократической транзит либерализма, стартовав в Англии и получивший практическое воплощение в идеях Французской революции, охватил в XIX в. Западную и Восточную Европу, опасным инфекционным вирусом проникая даже в цитадель традиционности – в Османскую Порту, провоцируя национально-освободительное движение на Балканах, продвигая идеи светского национализма. Андреа Риккарди так характеризует эти процессы того времени: «Ушли в прошлое режимы “христианских монархов”, та система христианства, которая основывалась на взаимодействии и взаимопроникновении светской и цер-

ковной власти. Был разорван союз алтаря и трона, в котором целое тысячелетие виделась единственная возможная форма отношений между церковью и обществом. Причем не только в католическом мире, но и в тех странах, где были созданы национальные протестантские церкви»(49).

В 1831 г. в Италии на волне восстаний в Умбрии, Романье и Болонье было сформировано временное правительство. Начался процесс национализации церковного имущества, дух секуляризации вскоре охватил всю страну. Во 2-й половине XIX в. папство полностью потеряло контроль над Папской областью. Оппоненты Пия IX выдвинули лозунг «свободная церковь в свободном государстве». Ответной реакцией стала опубликованная в 1864 году энциклика Пия IX «Силлабус Эррорум» – «Перечень главных заблуждений нашего времени». Среди 80 заблуждений первую десятку занимали: либерализм, рационализм, протестантизм, свобода науки, взгляд на государство как источник права, отделение церкви от государства и др. (50)

Однако мужественная политика Пия IX по противостоянию либерализму вплоть до 10-х гг. XXI в. носила единичный характер, была единственным примером попытки католической церкви выставить надежный заслон десакрализации мира. Вплоть до середины XX в. Святой престол не нашел в себе сил преодолеть стереотипы и вступил на путь христианского экуменизма, навязанный протестантами и идеологией Просвещения.

В тесном сплаве идей Просвещения и практики Великой Французской революции родилось весьма любопытное и новое для истории человечества явление, возник союз денежного капитала финансистов и идеологов-писателей, обслуживающих его интересы, был запущен небывалый процесс манипулирования сознанием обывателя, освобожденного от оков религиозного сознания и вооруженного новым рациональным мировоззрением. Весьма примечательны в этой связи наблюдения Э. Берка: «Писательские истории во Франции... создавали что-то наподобие регулярного плана разрушения христианской религии... К системе литературной монополии присоединилась беспрестанная индустрия очернительства и дискредитации тех, кто не вошел в их фракцию... Так вместе с денежным капиталом вырос новый класс людей, с кем этот капитал очень скоро сформировал тесный союз, класс политических писателей» (51).

Орудием, инструментом управления общественным мнением, у плутократии стало то, что им было наиболее ненавистно, – стремление человека к свободе и равенству, к социальной справедливости. Именно во Франции впервые появился термин «идеология», и была создана весьма влиятельная организация с лаконичным названием – «Институт». В его члены был принят и будущий император – Наполеон Бонапарт, который неизменно подписывался как член Института. По замечанию С.Г. Кара-Мурзы, «именно в ходе Великой Французской революции идеологи нового общества поняли, что главным средством власти в нем будет язык» (52). Пионером этого направления стал Лавуазье, создавший язык химии. Философское значение этого

прорыва далеко выходило за рамки рационалистического знания. Не случайно некоторых английских богобоязненных химиков чрезмерная смелость Лавуазье ужаснула.

Идеологи Французской революции осознали магическое воздействие на сознание людей «царства числа», количества, подменивший таинственный и неподконтрольный мир качества. Это выразилось в одном из первых мероприятий, проведенных сразу после победы Великой Французской революции – разработке метрической системы мер. В результате политическая элита, вооружившись языком точности, получила неограниченный контроль над смыслами, мыслями и словами. Элиты стали контролировать зоны ответственности Творца, неподотчетные человеку средневековья – пространство и время. М. Фуко подчеркивал важность этого выбора: «Язык точности (язык чисел) совершенно необходим для “господства посредством идеологии”» (53).

В это же время была создана школа нового типа, делившая учеников на элитарное меньшинство, способное манипулировать другими, и большинство, готовое к манипуляции. Школа, таким образом, превращалась в механизм производства классового общества, с которым и призвана была беспощадно бороться Французская революция.

Идеология Просвещения, подготовившая Французский великий социальный переворот, положила начало расщеплению единой аксиологической системы правосознания, «симфонии властей» традиционного общества. Атмосфера Просвещения взрастила и произвела на свет новое направление – конституционализм. Произошло нарушение дуальности мира. В понимание основного закона бытия впервые была заложена секулярная идея. Небезынтересным фактом является то, что создателями и авторами первых конституций (во Франции, США, Российской империи времен Александра I и др.) выступали лица, принадлежавшие к масонским ложам. Детально и скрупулезно изучивший этот вопрос В.Ю. Захаров зафиксировал буквально текстовое совпадение уставов масонских братств с первыми конституциями, особенно в части преамбулы (54).

Столь же очевидны подобные компоненты в «Декларации прав гражданина и человека» и первых Декларациях независимости. Так, «Декларация прав гражданина и человека» открывается к апелляции не к Христу, а к теологической фигуре совсем иного рода – Верховному существу. В тексте далее выявляется связь Верховного существа (т.е. Демиурга) с концепцией естественных прав человека. В соответствии с взглядами идеологов прав человека Бог растворяется в природе и человек, будучи частью божественно-природной субстанции от рождения, изначально наделен естественными правами. Это был легитимированный базис идеологии прав человека (55).

Весьма иллюстративна в этом плане «Декларация независимости США». Права человека, согласно ее положениям, устанавливаются по законам природы и ее Творца. Все люди наделены Творцом неотчуждаемыми правами (56).

В христианстве, как известно, нет ни слова о естественных и неотчуждаемых правах. В нем получила развитие противоположная мысль – о первородном грехе. Право и права даются не от рождения, а согласно христианской традиции, на основании Божественного Завета.

Различия в понимании Бога, заложенные просветителями, привели к различиям в толковании того, что есть Человек. Главным в интерпретации Человека, утратившего сакральный смысл бытия, потерявшего и отменившего Бога, стали соотношения понятий свободы и личности, свободы личности. В либертарианском прочтении главным в понимании категории свободы является вопрос «от чего», что само собой предполагает научное, рациональное перечисление по реестру всех ограничителей свободы. В православной традиции понимание свободы абсолютно иное и отвечает, прежде всего, на вопрос «для чего». Православный человек находится в поисках морально-этического ориентира для того, чтобы воспользоваться Свободой, дарованной Господом. Просвещение и Французская революция усилили и катализировали параллельно идущие процессы: опустошение души и обожествление земной природы. Идея богоподобия уродливо трансформировалась в богоравность, достигла апогея в концепции человекобожия. Именно здесь получил новое развитие старый конфликт Византии и Запада. Теперь в Новое время он выразился в противостоянии «прометеевского» западного человека и «иоанновского» русского человека.

В. Шубарт отмечает, что в этих условиях христианская вечная идея преображения мира, обожения человека извращается прометеевской культурой в убеждение о том, что «жизнь можно и нужно преобразовать исходя не из души, а из вещного мира» (57). В этой связи великий русский философ Соловьев скорбел о гибели христианской Европы, а Папа Лев XIII предупреждал о неизбежности наступления сатанобожия вслед за богоборчеством, человекобожием и безбожием. Римский понтифик резко отвергал и либерализм, и марксизм, справедливо считая их корнями одного дерева.

Как отмечает Н.А. Нарочницкая: «Либерализм, утративший потребность в поиске высокого, вытравивший высшие ценности... в пользу индивидуалистических, окончательно обнажил свое третьесловное либертарианство» (58). В XX – нач. XXI в. в геополитике явно доминирует англо-саксонская этика, выражающаяся в незатейливой формуле: «Все, что не запрещено – дозволено». Демократический транзит, выдыхаясь и сопя, продолжает со скрипом двигаться вперед, пока еще успешно спекулируя на христианских ценностях, будучи на самом деле апостасийным явлением. Однако остановка уже не за горами. Уж больно прогнила телега...

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Маркс К. Сочинения. – Т. 5. – М., 1957. – С. 322.
- (2) Февр Л. Бои за историю. – М., 1991. – С. 213.

- (3) Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. – М., 2006. – С. 652.
- (4) Там же. – С. 146.
- (5) Там же. – С. 45–46.
- (6) Там же. – С. 9–14.
- (7) Там же.
- (8) Тенденции в странах Европы и Северной Америки: статистический ежегодник. – ЕЭК ООН, 2003; М., 2004. – С. 153.
- (9) Вебер М. Избранное... – С. 50–51.
- (10) Там же. – С. 48–49.
- (11) Там же. – С. 91.
- (12) Там же. – С. 200–201.
- (13) Маркс К. Сочинения. – Т. 5. – М., 1957. – С. 341.
- (14) Зомбарт В. Современный капитализм. – М., 1993. – С. 3–7.
- (15) Февр Л. Бои за историю... – С. 204.
- (16) Там же. – С. 207.
- (17) Там же. – С. 209.
- (18) Там же. – С. 212.
- (19) Февр Л. Бои за историю... – С. 215–216.
- (20) Трубецкой Н.С. Европа и человечество. – М., 2001. – С. 211.
- (21) Bertalanffy Ludwig von. General system theory. – N-Y, 1968. – P. 67.
- (22) Глобализация и справедливость. Под ред. Кирабаева Н.С. – М., 2007. – С. 97.
- (23) История средних веков. Под ред. Колесниченко Н.Ф. и др. – М., 1964. – С. 445.
- (24) Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Под ред. С.М. Стама, Саратов, 1984–1988, Ч. 1–2. – С. 113.
- (25) Там же.
- (26) Подробнее см. Средневековая Европа. – М., 1994. – С. 112.
- (27) Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Под ред. С.М. Сама, Саратов, 1984–1988, ч. 1–2. – С. 204.
- (28) Нижников С.А. Гуманизм и справедливость: история и современность // Глобализация и справедливость. – М., 2007. – С. 100.
- (29) Кузанский Н. Об ученом незнании. – М., 1971. – С. 311.
- (30) Кантор Г. Труды по теории множеств. – М., 1985. – С. 83.
- (31) Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – М., 2009. – С. 129.
- (32) Лейбниц Г.В. Сочинения. – М., 1982–1989. – Т. 3. – С. 177.
- (33) Жид А. Избранные произведения. – М., 1993. – С. 231.
- (34) Маришен Ж. Статьи и письма. – М., 1987. – С. 13.
- (35) Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции... – С. 81.
- (36) Цит. по Девятайкина Н.И. Петрарка как общественная личность перед лицом власти // Материалы международной конференции «Индивидуальное и коллективное в истории». – Саратов, 2001. – С. 133–134., см. также Норвич Дж. История Венецианской республики. – М., 2007. – С. 213.
- (37) Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – С. 345.
- (38) Гегель Ф. Феноменология духа. – М., 1965. – С. 451.
- (39) Джованни Пико делла Мирандола Речь о достоинстве человека // Платонополис. – М., 2005. – С. 32.
- (40) Цит. по Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и мышления. – М., 1978. – С. 241.

- (41) *Валла Лоренцо* О наслаждении // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5-и тт. Т. I. – С. 486–497.
- (42) Цит. по *Средневековая Европа...* С. 78.
- (43) *Нижников С.А.* Гуманизм и справедливость... – С. 105.
- (44) История средних веков под ред. Н.Ф. Колесницкого и др. – М., 1964. – С. 498.
- (45) Цит. по *Смирин М.М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. – М., 1955. – С. 21.
- (46) *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в современном мире. – М., 2009. – С. 343.
- (47) *Кант И.* Сочинения в восьми томах. – М., 1994. – С. 435.
- (48) *Фихте И.* Сочинения в двух томах. – СПб., 1993. – С. 112.
- (49) *Riccardi A.* Intransigenza e modernita'. La Chiesa cattolica verso il terzo millennio. – Roma, 1996. – P. 5.
- (50) *Le encicliche sociali dei Papi. Da Pio IX a Pio XII (1864–1946).* – Roma, 1946. – P. 3–13, 737–749.
- (51) *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне // Антология мировой правовой мысли. – М., 1999. – Т. 3. – С. 176.
- (52) *Кара-Мурза С.Г.* Власть манипуляции... – С. 51.
- (53) *Фуко М.* Археология знания. – М., 1996. – С. 213.
- (54) *Захаров В.Ю.* Основные этапы развития масонства в России, его соотношение с конституционализмом // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». – № 6. – 2008.
- (55) *Французская Республика: Конституция и законодательные акты.* – М., 1989. – С. 26–29.
- (56) *Конституция и законодательные акты буржуазных государств XII–XIX вв.* – М., 1957. – С. 521.
- (57) *Шубарт В.* Европа и душа Востока. – М., 2000. – С. 45.
- (58) *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в современном мире... – С. 348.

MAIN MISCONCEPTIONS OF OUR TIME: FROM THE REFORMATION TO NEOLIBERALISM.

Ecstasy of human pride.

Reformation, Humanism, the Enlightenment and capitalism

S. Voronin

Department of World History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The author continues to reflect on the fate of the Western axiological project, linking together the genesis of capitalism with the religious attitudes of the Reformation, the Renaissance landmarks new spiritual and scientific rationalism of the Enlightenment.

Key words: calculating spirit, problem calling, Ludwig von Bertalanffy, syllabus errorum, man the measure of all things, the duality of the world.